

К ВОПРОСУ О КАЗАЧЬЕЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Сампиев И.М.¹, Аккиева С.И.², Касымханов Р.К.²

¹ФГБОУ ВПО «Ингушский государственный университет», Магас, РИ, Россия, e-mail: ing_gu@mail.ru

²ФБГУН «Кабардино-Балкарский Институт гуманитарных исследований», Нальчик, КБР, Россия, e-mail: kbigi@mail.ru

Вопросы происхождения и развития казачества вызывают дискуссии и сегодня. В науке нет единого мнения по вопросу о времени появления казачества. Открыт вопрос об основном этническом компоненте, составившем ядро первых казаков. Окончательно не решен вопрос о статусе казачества. В период с 18 по 19 век в казачьи ряды были включены значительное число русских крестьян, которые ассимилировали ранних казаков Дона и Днепра на Северном Кавказе. Актуален вопрос - являются ли казаки современного Юга России потомками первых Запорожских и Донских казаков, возможно ли обнаружить генетическую преемственность? Ответ на данный вопрос мог бы помочь обозначить статус современного казачества.

Ключевые слова: казаки, история казачества, генетическая преемственность, идентичность, сообщество, идентификация

TO THE ISSUE OF COSSACK IDENTITY AND SELF-IDENTIFICATION

Sampiev I.M.¹, Akkieva S.I.², Kasymkhanov R.K.²

¹Ingush State University, Magas, RI, Russia, e-mail: ing_gu@mail.ru

²Kabardin-Balkar institute of Humanitarian Researches, Nalchik, KBR, Russia, e-mail: kbigi@mail.ru

The questions of the origin and the development of the Cossacks provoke debates even today. There is no consensus on the question of the time of appearance of the Cossacks in the science. The question about the main ethnic component constituting the core of the first Cossacks is still open. Completely is not resolved the issue of the status of the Cossacks. It is found that Turkic and Caucasian peoples of the southern Russia played the role in the formation of the Cossacks. In the period from the 18th to the 19th century a significant number of farmers have been included in the Cossack ranks. They assimilated the most of the early Cossacks of the Don and the Dnieper in the Northern Caucasus. The question is actual whether the modern Cossacks of Southern Russia are descendants of the first Zaporozhian and Don Cossacks. Is it possible to detect the genetic continuity? The answer to this question could help to set the status of the modern Cossacks.

Keywords: cossacs, migrations, genetic continuity, nationality, community, self-identification, development.

Проблемы групповой идентичности и идентификации – одни из самых неоднозначных в социальных и исторических науках. На пространстве постсоветских республик сегодня доминирует подход к проблеме идентичности во многом сквозь призму понятия группового самосознания. В формировании же самосознания важнейшую роль играет исторические депозиты – объективированное знание, знания-представления или мифы о историческом прошлом общности, о ее генезисе. В данной статье мы рассмотрим проблемы идентификации казачества как особой культурно-исторической общности. Тема эта представляется актуальной, поскольку идентичность есть параметр сознания, фиксирующий отождествление группы с важными социокультурными историческими событиями, мифами и ритуалами своей общности, что ведет к установлению моделей для социального поведения и действия субъектов или групп, включенных в процесс поиска своей идентификации.

Истории формирования казачьих общин на пространстве Восточной Европы посвящено много трудов. В частности, является информативной статья В.А. Сопова [10], докторская диссертация В.П. Водолацкого [3], А.Г. Масалова. [7] В этих работах авторы затрагивают вопросы происхождения казачества, его ранних этапах становления и развития. Несмотря на весомые исследования по данной теме, тем не менее, открытыми остаются ряд вопросов. Так, не решен вопрос о том, чем считать казачество – этносом или сословием, а эта неопределенность существенно влияет на политизацию современного казачьего возрожденческого движения. Не решен до конца вопрос об истоках казачества: одни исследователи (н-р., Н.Карамзин, С.Ауский и др.) в основном и в общих чертах констатируют тюркское происхождение казачества в восточноевропейском регионе [5], вторые считают казаков особым народом, возникшем из смешения славяноруссов и тюрков на востоке Европы, третьи же (В.О.Ключевский, С.М. Соловьев, В.А. Потто и др.) видят в них славянские этногруппы («беглохолопская» версия).

Не определены хронологические рамки возникновения казачества, в основном авторы констатируют, что в 16 веке оно выходит как самостоятельная сила, хотя истоки его как особой общности фиксируются много ранее. Так же представляет несомненный интерес вопрос о взаимоотношении казачества и центральной власти в истории дореволюционной России. Как известно до того, как казачество стало сословием в составе вооруженных сил Российской империи, они зачастую являлись организаторами массовых антиправительственных выступлений и мятежей. До момента их окончательной интеграции в состав российской армии в 18 веке, казаки бывали как союзниками, и когда им было не выгодно, являлись главными мятежниками. В связи с этим, их безоговорочно невозможно причислять ни к апологетам, ни к противникам власти.

Один из главных вопросов казачьей истории – это вопрос казачьей самоидентификации. Зачастую, рядовые казаки, говорящие на русском языке, ощущают свое отличие от остальных русских, подчеркивая, что у них с «московитами» мало общего: «Я де не Москаль, но Русской, и то по Закону и вере Православной, а не по природе». [9] Как отмечает В.М. Безотносный, «В силу специфических черт и сочетания исполняемых военных и хозяйственных функций... имелись не только отличия, но даже определенная отчужденность казачества от остального населения России». [2] С другой стороны, достаточно многочисленная часть представителей казачества не ставит знаков различия между собой и русскими, украинцами.

Открыт вопрос о конфессиональной составляющей казаков. Несомненно, что в своем подавляющем большинстве лица, сегодня причисляющие себя к казачеству, относят себя к Русской православной церкви. Вместе с тем, на Северном Кавказе, в частности на Тереке,

отчетливо зафиксированы казаки – старообрядцы. Кроме того, в составе казачества имелись и представители других конфессий. Например, в послужном списке легендарного командира 1-го Полтавского кошевого атамана Сидора Белого полка Кубанского казачьего войска (1910-1915 гг.), командира 2-й Кубанской казачьей бригады сводной Казачьей дивизии (1915-1917), генерал-майора Эльберта Асмарзиевича Нальгиева, этнического ингуша, записано: из казаков Терской области, вероисповедания магометанского.[1] Многие калмыки, как буддисты, так и крещенные, несли службу в составе восьми казачьих войск: Донского (1737-1917), Уральского (1724-1917), Астраханского (1737-1917), Ставропольского калмыцкого (1737-1842), Оренбургского (1750-1917), Кавказского линейного (1832-1860), Екатеринославского (11788-1796), Терского (1860-1917) и четырех отдельных казачьих полков. [4] Следовательно, казачество не только в этническом, но и в конфессиональном отношении не являлось монолитной структурой, хотя доминирующей конфессией со временем стало православие.

Неопределенность представлений казаков о самих себе служит зачастую предметом спекуляции со стороны политических технологов и исследователей, спекулирующих на отсутствии источников по проблемным моментам истории казачьих общин. В попытках определиться с казачьей идентификацией следует согласиться с утверждением, что 16 век – время выхода казачества на международную арену в качестве самостоятельной и независимой силы. Оно вступило в мирные и конфликтные связи со славянскими, тюркскими и кавказскими народами. Особенно сильно это ощущалось на примере гребенского и в последующем терского казачества, которое обитало на Северном Кавказе. Учитывая славянский компонент казаков, нельзя не отметить, что в культурном отношении казаки здесь испытывали значительное влияние на себе со стороны кавказских и других народов. Это не могло не сказаться на ментальных и культурных традициях казаков. Мобильность казачьих общин обеспечивала свободное передвижение по системе сухопутных волоков и водным сообщениям. Не удивительно, что в его составе вливались представители разных национальностей. Надо полагать, что это накладывало в те времена отпечаток на государственно-политическое самоопределение казачества, поскольку только в 18 веке произошел процесс окончательной интеграции казаков в состав вооруженных сил Российской империи. С данного момента казачество формируется не стихийно, в этих процессах определяющую роль играет уже государство.

Так, во время завоевательной войны на Кавказе, в состав кубанских и терских казаков было зачислено большое число государственных крестьян из Малороссии, Украины, Воронежской и других губерний центральной России, для формирования из местного казачества многочисленного и самостоятельного военного и колонизационного факторов.

Это создает проблемы в идентификации казачества как особой группы, поскольку государственно-колониционная парадигма, как верно отмечает А.Г. Масалов, достаточно верно характеризует генезис «служилого» казачества, но не обеспечивает репрезентативность исследований предшествующих периодов. [7]

Ранее отмечалось, что казачество не являлось монолитной структурой. Долгое время даже с момента функционирования в рамках вооруженных сил России наблюдались существенные социокультурные отличия донских казаков от запорожцев, запорожцев от терских казаков и т.д. Отличия эти были столь существенны, что даже выражались в военной тактике и вооружении. Теофил Лапинский в своём труде характеризует неоднородность казачьего войска на Северном Кавказе: «донские казаки на Кавказе не на своём месте. Этот кавалерист с его чрезмерно длинной пикой, привыкший блуждать взором по бесконечным степям своей страны на степном коне, не привыкший к лесным тропам, не может быть полезен между высокими горами, лесами и кустами» [6]. А казаков линейных он оценивает следующим образом: «линейные казаки образуют прекраснейшее войско на Кавказе и являются грозой восточных горцев. Не уступая им в дикости, жестокости, варварстве и смелости, они превосходят их военной организацией, имеют лучшие оружие и лошадей. Их одежда, вооружение, сёдла и уздечки лошадей отличаются только лучшим качеством...Екатерина II положила основание этим казакам на Тереке» [6]. Здесь мы видим, что Теофил Лапинский оценивает существенные различия донских и линейных казаков с точки зрения их военной целесообразности и функциональной адекватности.

В связи с этими данными можно сделать вывод: казачество Северного Кавказа изначально формировалось как конгломерат выходцев как с российских губерний, Дона, так и с Украины и приграничных к Польше регионов, что свидетельствует о неоднородности казачьей общности и специфики формирования его на Северном Кавказе. Станицы образовывались правительством и формировались из украинцев и российского казачества, а так же крестьян русского происхождения. Вследствие данных условий и обстоятельств, происходило их смешение как друг с другом, так и с горцами Северного Кавказа. Несмотря на то, что в период войны на Кавказе, казаки воевали против горцев, они подверглись мощному культурному влиянию со стороны кавказских народов. Это нашло отражение в том, что российское командование закрепило элементы кавказской одежды и оружия в качестве военной уставной одежды для казаков. Условия войны и мира на Кавказе, постоянное соседство казаков с горцами оставило свой отпечаток на ментальных установках казаков.

Первая половина 18 века является значимой вехой в истории казачьих формирований. В 1723 году был ликвидирован принцип выборности атамана казачьей общиной. Атаман стал

наказным, что означало: казачество окончательно вошло в орбиту российской государственности. С данного момента всякая стихийность, присущая казачеству уступает место подчинению государственной власти, которая взялась организовывать казачьи формирования в соответствии с принципами, характерными для вооруженных сил России, оставляя за казаками специфические элементы культуры и быта, которые вследствие постоянных передислокаций начинают постепенно нивелироваться. Окончательно процесс превращения донских, запорожских, терских и др., казаков в более монолитную структуру завершается с введением формы, положенной по уставу армии.

Территории Южного и Северо-Кавказского федеральных округов можно смело отнести к региону, в котором сильны казачьи традиции. Для казаков вышеназванных регионов актуален вопрос: возможно ли проследить генетическую преемственность, в частности современных краснодарских и ростовских казаков с запорожскими и донскими казаками 16 века? Данный вопрос является основным для казачьей самоидентификации. Представляет интерес статья Юрченко И. Ю. [13], в которой автор приводит выводы генетических исследований 2009 года на Дону и Кавказе. Опираясь на результаты генетических изысканий, И. Юрченко признает, что вопрос о ранней казачьей истории все еще открыт, поскольку население, заявляющее о себя как казачество, в генетическом отношении в своем подавляющем большинстве имеет связи с русскими южных областей и украинцами.

Очевидно, что исследование современных групп, относящих себя сегодня к казачеству, вряд ли может дать ответ на вопрос - каким в этногенетическом отношении было казачество днепровских засек 16 века, или казачество Дона того же периода. То, что группа лиц, на сегодня относящая себя к казачеству на территории Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, в генетическом отношении является близкой к русским и украинцам – не удивительно, так как в конце 19 века власть переселила одних только украинцев на территории Северо – Западного Кавказа числом, которое достигает несколько десятков тысяч человек. В то время как самих казаков было гораздо меньше, чем переселенцев, не являвшихся по происхождению казаками. Такие переселения русских и украинских крестьян, которые распределялись, в том числе и по казачьим станицам, были весьма многочисленны [5].

Возвращаясь к статье И.Ю. Юрченко, следует отметить, что его рассуждения и доводы вполне логичны и обоснованы: «...наличие неславянских и в том числе кавказских и тюркских компонентов в этническом облике российского казачества нельзя сегодня подвергать сомнению». [13] Вместе с тем, приходится признать, что трактовка полевых генетических изысканий относительно ранней казачьей истории не имеет практической

ценности, так как образцы для анализа были взяты у современных жителей Южного федерального округа. В идеале для подобного эксперимента нужно было найти круг лиц, в отношении которых можно было быть уверенными, что они потомки ранних казаков 16 века. Это на сегодня является проблематичным. Второй выход – генетические исследования старинных захоронений казаков, чья принадлежность может быть достоверно установлена, что также непросто.

Итак, в вопросе раннего формирования казачества при современном уровне исторических знаний невозможно сделать окончательные выводы о генезисе казачества, можно только констатировать, что это сложное саморазвивающееся этносоциальное явление. [11] Это затрудняет процесс определения статуса казачества и его идентификации как определенного типа общности. Нельзя не согласиться с мыслью О.В. Матвеева, что для выяснения происхождения казачества «необходим комплексный полинаучный подход, интегрирующий в своей сути социальное, этническое, «государственное» начала в вопросе происхождения казачества» [8]. В данном направлении необходимо скоординированное действие историков, этнологов, антропологов и других представителей гуманитарных и естественных наук.

Список литературы

1. Алмазов И.Г. Ингуши – георгиевские кавалеры: XIX-XX вв. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. С.54.
2. Безотосный В.М. Казачество дореволюционной России / Часовые отечества. Из истории российского казачества. - Санкт-Петербург, 2006. - С. 15.
3. Водолацкий В.П. Казачество в современном обществе: социологическое измерение [Электронный ресурс]// <http://cheloveknauka.com/kazachestvo-v-sovremennom-obschestve#ixzz3rgKeV36V>.
4. Калмыки / отв. Ред. Э.П.Бакаева, Н.Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. С.53-54.
5. Карамзин Н.М. История государства российского: т. 5 / Н.М. Карамзин. - С.230-231.; Ауский С. Казаки. Особое сословие. М.; Спб., 2002. С.17.
6. Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик 1995. С. 41-43.
7. Масалов А.Г. Российское казачество: социально-политическая институционализация в современных условиях: автореф. дис. ... докт.полит.наук. Ставрополь, 2004. С. 15.
8. Матвеев О.В. Явление казачества в истории и культуре России // Очерки традиционной культуры казачеств России / под ред. Н.И. Бондаря. - М.; Краснодар, 2002.

С.10.

9. Ригельман, А.И. История о донских казаках. Ростов-на-Дону, 1992. С. 17.
10. Сопов А.В. Исторические предшественники казаков, становление и развитие казачества // Вестник Адыгейского государственного университета. выпуск № 1, 2006 г. С. 27-32.
11. Трут В.П. Кто же они - казаки? Ростов-на-Дону, 1995. С. 16.
12. Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино – Балкарии. Нальчик, 2000. С.35.
13. Юрченко И. Ю. Казаки – тюрки? Трактовка проблемы этнического происхождения казачества в неопантюркистской историографии (на примере новых книг Мурада Аджи (Аджиева М.Э.)) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5 (10). С.68 – 69.

Рецензенты:

Сабанчиев Х.-М. А., д.и.н., профессор кафедры культурологи, этнологии и истории народов КБР, ФГБОУ ВПО Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик.

Бгажноков Б.Х., д.и.н., заведующий отделом этнологии и археологии Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, г. Нальчик.